

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHICAL STUDIES

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-4-500-509

EDN: JPKDWA

Научная статья / Research article

Мемуары — вид биографических исторических источников или источники личного происхождения: проблемы терминологии

Н.Г. Георгиева

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 navladi@list.ru

Аннотация. Рассмотрена история решения проблемы классификации исторических источников и появления трех классификационных терминов: категория (тип), вид и «источники личного происхождения» — при выделении биографических источников из общего корпуса исторических источников. Внимание автора сосредоточено на актуальной проблеме терминологического единства, точнее логической чистоты (строгости) терминологии при классификации биографических источников в научных исследованиях. Показаны научные ситуации, в которых возможно применение классификационного таксона «источники личного происхождения». Сделан вывод о преимуществе использования классификации исторических источников по видам на основе их pragматической функции.

Ключевые слова: критерий классификации, таксон классификации, тип исторических источников, вид исторических источников, классификация исторических источников по видам, pragматическая функция исторического источника

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 10.04.2025; принята к публикации 25.07.2025.

Для цитирования: Георгиева Н.Г. Мемуары — вид биографических исторических источников или источники личного происхождения: проблемы терминологии // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 4. С. 500–509. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-4-500-509> EDN: JPKDWA

Memoirs as a sort of biographical historical sources or as historical sources of personal origin: problems of terminology

Natalia G. Georgieva

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 navladi@list.ru

Abstract. The study examines the history of solving the problem of classification historical sources and the history of the emergence of three classification terms: category (type), sort (species) and “source of personal origin” when selecting biographical sources from the general body of historical sources. The author’s attention is focused on the current issue of terminological unity, or rather, logical purity (rigor) in the classification of biographical sources in scientific research. The study discusses scientific situation in which it is possible to apply the classification taxon “sources of personal origin”. The study concludes that it is advantageous to classify of historical sources by kind based on their pragmatic function.

Keywords: criteria of classification, taxon of classification, type of historical sources, kind of historical sources, pragmatic function of the historical source

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 10.04.2025. Accepted: 25.07.2025.

For citation: Georgieva NG. Memoirs as a sort of biographical historical sources or as historical sources of personal origin: problems of terminology. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(4):500–509. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-4-500-509> EDN: JPKDWA

Введение

Проблема классификации исторических источников во второй половине XX в. стала «проблемой № 1» в российском источниковедении — она целенаправленно обсуждалась на университетских кафедрах и научных конференциях. Готовились, обсуждались и публиковались тексты учебников, которые должны были руководить исследовательской работой молодых историков и источниковедов. В лексиконе ученых последовательно утверждались *три понятия* в качестве основных классификационных таксонов — *происхождение, тип и вид*.

Дискуссии о возможности применения этих понятий продолжаются до настоящего времени, порождая разногласия и потребность выработки единого классификационного стандарта для его использования в научных исследованиях (особенно в диссертациях).

Цель исследования — определить научно-исследовательские ситуации (обзоры), в которых возможно применение классификации биографических исторических источников на основе видового принципа их выделения из общего корпуса исторических источников по целевой направленности или по принципу «личного происхождения».

Первый опыт применения деления источников по их происхождению

Особенно активно проблема классификации исторических источников дискутировалась в 1960–1970-х гг. В 1962 г. историки С.М. Каштанов и А.А. Курносов предложили свое определение понятия «происхождение», понимая под этим «сумму признаков, определяющих место источников в общественной жизни: их целевое назначение, авторство, обстоятельства появления» [1. С. 179].

В предложенной схеме источники различались по возникновению в *трех разных сферах*: социально-экономических отношений; социально-политической борьбы, общественной мысли и культуры; личностно-семейных отношений. Однако предложение вызвало ряд возражений, оно не было принято большинством российских источниковедов [2. С. 38]. В 1969 г. С.М. Каштанов опубликовал новую формулировку, указав, что «под происхождением понимается сумма признаков, характеризующих конкретные условия и причины создания источника (сфера возникновения, авторство, цель)» [3. С. 155]. Заметим, и в первом предложении, и во втором как-то ненавязчиво, мимоходом звучало слово «цель» или «целевое назначение» как возможный таксон классификации. Однако он не стал главным, основополагающим.

Представим, что была принята схема с классификационным таксоном «происхождение источников». В такой ситуации в источниковедческих обзорах вовлеченные в диссертационное исследование источники следовало распределять по четырем *сферам*, в которых проходила деятельность человека и в которых создавались источники, сопровождавшие путь человека как гражданина и члена общества. Первая отражалась в источниках официального происхождения, возникших в сфере государственного аппарата управления (законы, договоры, международные акты). Вторая — в источниках, возникавших в сфере экономики, имущественных и производственных отношений (промышленность, финансы, строительство). Третья отражалась источниками, возникшими в социальной сфере — в практике деятельности политических партий и общественных организаций (программы и уставы, протоколы и стенограммы заседаний); СМИ (эпизодические и периодические издания); публистика в разных формах: манифесты, возвзвания, эссе. И четвертая сфера — семейно-личностная. Информация о ней содержалась в разных источниках, как правило, биографического жанра: мемуары, дневники, личная переписка, нотариальные акты, удостоверяющие распоряжение имуществом (завещание, дарение, брачный договор) и др.

Классификации исторических источников на основе принципа их происхождения в той или иной сфере вскоре была отвергнута российскими источниками, поскольку она не позволяла провести формально-логическое разграничение источников, однако следы такого подхода надолго сохранились в трудах, посвященных биографиям различных исторических личностей.

Рождение термина «источники личного происхождения»

С.С. Дмитриев, автор главы «Воспоминания, дневники, частная переписка» в двух изданиях учебника по источниковедению, хотя и относил упомянутые материалы к «различным видам источников», но предложил два варианта формулировки термина, связанного с классификацией по принципу «происхождения»: «источники частного происхождения» [4. С. 347] и источники личного происхождения, возникающие «в частном порядке» [5. С. 342]. Отметим, что предложения С.С. Дмитриева учитывали исключительно близость происхождения источника к личности его автора, а цель создания биографического источника (как его возможный видовой признак) принималась во внимание лишь при намерении мемуариста опубликовать свое творение «для обширной читательской среды — для современников, потомства, историков» [5. С. 343].

Хотя предложение термина С.С. Дмитриевым совпало по времени с внедрением в российское источниковедение нового принципа классификации исторических источников, но термин не был забыт и получил развитие и новую трактовку в конце XX в.

Влияние теории информации на решение проблемы классификации исторических источников

В 1975–1980-х гг. в результате теоретических исследований Л.Н. Пушкарева [6] и И.Д. Ковальченко [7. С. 129–148; 8. С. 106–125] в решении проблемы классификации исторических источников произошел методологический прорыв. Он явился результатом внедрения в российское источниковедение теории информации и принятия историками категории «информация» в качестве общего, изначально присущего источнику свойства [6. С. 191].

В основе нового подхода лежала идея И.Д. Ковальченко о *синтаксическом аспекте* (признаке) информации исторических источников как критерии при их распределении по категориям (типам) [8. С. 122].

Вводилось двухуровневое деление ресурсов исторического познания. Первый — типологический — на основе деления (распределения) источников по способу и форме воплощения, отражения, сохранения и передачи социальной информации о прошедшей объективной реальности [9. С. 219]. На этом уровне весь корпус исторических источников делился на *четыре категории* (на типы по знаковому воплощению — форме передачи, кодирования информации): вещественные, фонические (звуковые), изобразительные и письменные (перечислены в произвольном порядке).

Второй уровень деления — видовой — касался письменных источников, в свою очередь, распределенных по отдельным группам — видам, выделенным на основе выявления социальной функции источника, которая

предопределяла сознательно отобранный и выстроенный каркас информации источника. При таком подходе главным признаком того или иного вида источника становится «его *прагматическое назначение*, цель, ради которой он был создан и которую он выполнял в процессе своего функционирования в прошлой реальности» [9. С. 222]. Каждый вид исторических источников обладает устойчивыми, общими (первоначальными) свойствами (признаками), заложенными создателем (автором) источника в соответствии с целью его существования в окружающей исторической (общественно-политической, социокультурной или личностной) обстановке.

Виды исторических источников

В источниковедческой литературе рассматриваются *пять видов* письменных источников, выделенных на основе выполняемой ими функции во время существования (создания и введения в общественную практику) в прошлом:

- *нормативно-законодательные (правовые) документы*, нацеленные на организацию функционирования государственного аппарата, закрепление отношений государства с обществом и другими государствами, регулирование взаимоотношений граждан в разных общественных сферах («национальной, культурной, религиозной и бытовой») [9. С. 224];
- *делопроизводственные документы* (в т.ч. и статистические), создающиеся и сопровождающие осуществление какой-либо общественно-полезной (хозяйственной, образовательной и др.) деятельности или процесс строительства партийно-общественных организаций (деловая переписка, инструкции, протоколы, стенографические отчеты, уставы и т.п.);
- *публицистические произведения*, включающие рукописные и печатные материалы, созданные для воздействия на общественное сознание (его формирование и формулирование), эпизодические или периодические, существующие в различной форме — листковые издания, брошюры, газеты, журналы, книги и альманахи;
- *биографические источники* (мемуары, воспоминания, записки, дневники), главная функция которых состояла в сохранении и передаче потомкам информации о прошедшем, чему автор был свидетелем или участником, а также в установлении (закреплении) «вторичных» связей между человеком (автором) и обществом (современниками и последующими поколениями);
- *эпистолярные источники* (личная или частная переписка), выполнившие информационные функции (связь) между современниками.

Казалось бы, что в 1980-х гг. вопрос был решен в пользу видовой классификации, учитывающей целевую функциональность биографического источника. Однако на рубеже ХХ–XXI в. возник новый методологический подход к пониманию природы биографических источников на основе

антропологически ориентированной парадигмы и общегуманитарного метода исторического познания, направленного не только на выяснение коэзистенциальных связей автора с современниками и его эпохой, но и с эволюционным ходом истории, последующими поколениями.

Возрождение принципа деления источников по их происхождению

Так, в 1998 г. в учебнике, созданном группой ученых из Российского государственного гуманитарного университета, возможность использования термина «источники личного происхождения» (названия главы 11 в разделе 2 и главы 11 в разделе 3) была объявлена следствием формирования новой сферы возникновения исторических источников под влиянием процесса становления межличностных отношений в новейшее время.

М.Ф. Румянцева, автор текста этих глав, объединила два классификационных подхода (по происхождению и по видам) в примененном ею определении характерных признаков биографических источников. Она считала, что «источники личного происхождения — группа видов исторических источников, функцией которых является установление межличностной коммуникации в эволюционном и коэзистенциальном целом и автокоммуникации» [10. С. 466; 11. С. 202]. По идеи автора, источники личного происхождения включают разновидности биографических источников — воспоминания, дневники и мемуары разных форм (мемуары-автобиографии, мемуары-портреты и мемуары — «современные истории», т.е. рассказы о современниках и эпохе), а также эпистолярные источники (частная переписка). Однако объединение мемуаров с личными письмами противоречит видовой классификации, поскольку функции эпистолярных источников не совпадают с целевым назначением мемуаров — эпистолярий образует отдельный вид исторических источников.

В начале XXI в. идея М.Ф. Румянцевой о возможности одновременного использования двух понятий «вид», выделенного на основе целевой функции источника, и «источник личного происхождения», обрела силу непрекращаемого авторитета. Ее «подхватили» в 2000 г. авторы учебника по источниковедению, хотя и выстроили его в соответствии с видовой классификацией, но упомянули «комплекс материалов личного происхождения», связанный «с личностными запросами отдельного человека, проявлением его социальной активности, интеллектуальным развитием, профессиональными интересами и т.д.» [12. С. 153]. В дальнейшем идея о возможности применения термина «источники личного происхождения» сохранила свое влияние на концепции молодых исследователей, что и проявилось в их исследованиях. В статье И.А. Люцай «документы личного происхождения» названы одним из видов исторических источников, с уточнением, что «для их разграничения основным критерием является целевое назначение» [13. С. 375]. А.В. Карабалыкова

в 2025 г. использовала «источники личного происхождения» для изучения инакомыслия в СССР, определив их (вслед за М.Ф. Румянцевой) как «группу видов исторических источников» [14].

Несмотря на якобы всеобщее принятие видовой классификации письменных исторических источников, появлялись рецидивы использования термина «источники личного происхождения» современными исследователями в учебных пособиях, диссертациях и научных статьях, «защищающих» классификационный таксон «происхождение источника».

Рассмотрим несколько примеров систематизации корпуса исторических источников в источниковедческих обзорах некоторых диссертационных исследований.

В 2003 г. была защищена диссертация Э.Е. Абдрашитова, специально посвященная изучению «источников личного происхождения», среди разновидностей которых указаны «частные письма и мемуары» [15. С. 3]. Определяя особенности познавательной ценности информации изученных источников личного происхождения, автор сделал совершенно справедливый вывод о том, что она в перспективе представит значительный интерес для историко-культурных исторических исследований. Однако следующий вывод автора о том, что особо значимой станет «**объективно** представленная **потенциальная информация** о трансформации сознания российских солдат и офицеров в условиях войны и плена...» (выделено нами — Авт.) вызывает некоторые сомнения.

Заметим, что в литературе принято считать субъективную уникальность информации главным отличием повышения познавательной ценности мемуарных источников, а наличие в них объективной информации не только подвергалось сомнению, но иногда и вовсе отвергалось. Е.В. Тарле, который сам активно вводил мемуары в свои произведения, тем не менее, считал, что для источников этого вида характерна предвзятость (субъективность) и «совершенно сознательное намерение показать читателю людей и их поступки лишь в известном освещении: выявить одно, скрыть другое, извратить третье» [16. С. 102]. Кроме того, потенциальной информацией обладают все виды исторических источников (вне зависимости от их происхождения), и успех ее выявления зависит от профессиональной подготовленности исследователя — уровня владения им методами критического анализа источников.

В диссертациях, нацеленных на изучение жизни и деятельности отдельных общественно-политических деятелей, т.е. в исследованиях, имеющих биографический характер, возможно использование исторических материалов под термином «источники личного происхождения». Так, в диссертации 2019 г., посвященной В.М. Флоринскому, в эту группу источников были включены не только воспоминания и дневники, но и (ошибочно) личные и служебные (!) письма философа, которые являются частью двух других видов источников — эпистолярия и делопроизводственных документов [17. С. 13].

Диссертация о культурных связях России и Испании, по словам автора, опирается на информацию четырех видов источников: *нормативно-правовых, делопроизводственных, публицистических и документов личного происхождения* [18]. Однако к видовой классификации относятся только три первых из указанных видов источников, а выделение последней группы — источников по их «происхождению» — с видовым делением не связано: другой принцип классификации.

Сохранение традиции объединения мемуаров, дневников и личной переписки в единой категории под названием «источники личного происхождения» встречается в статьях довольно часто.

В 2006 г. Н.И. Иванова опубликовала статью, в названии которой прозвучало два противоположных или взаимно исключающих понятия, используемых при классификации исторических источников: «вид» и «происхождение» [19. С. 105]. Отметим, что одновременное использование понятий «происхождение» и «вид» источника не соответствует концептуальному подходу, принятому в видовой классификации, поскольку вид источника определяется не его происхождением в той или иной среде или из-под пера какого-либо автора, а по той функции, которую, по замыслу своего создателя, этот источник будет выполнять. Однако, разрабатывая проблему источниковедческого анализа источников личного происхождения (определение автора статьи), Н.И. Иванова специально указала, что при их изучении необходимо придерживаться идеи о цели (назначении) источника, а этот признак лежит в основе видовой классификации.

В 2014 г. В.С. Кодан совместил два прямо противоположных принципа деления исторических источников — по принципу их происхождения и целевого назначения. «Выделение источников личного происхождения в системе носителей исторической информации строится на видовой классификации», как уверял читателя автор, хотя все разновидности биографических источников (мемуары, дневники, личные письма) он объединил под одним термином «источники личного происхождения», определив всю эту группу источников как некий единый «вид» [20; 60].

В 2017 г. С.В. Кодан продолжил традицию объединения источников, относящихся к разным видам, определив три подхода к изучению источников личного происхождения. Первый — информационный, всегда имеющий прагматический аспект и относящийся «и к законодательству, и к правовым актам..., и к личной переписке, и к мемуарам, которые преследовали цель самовыражения, самосознания и самоутверждения личности». Второй — биографический, предоставляющий «возможность изучить источники личного происхождения в сопоставлении с жизненным путем автора». И третий — коммуникативный, связанный с изучением источников личного происхождения в контексте «концепции индивидуализации человека». Оценивая познавательную ценность источников личного происхождения, автор полностью

разделял точку зрения М.Ф. Румянцевой о том, что эти источники «наиболее последовательно воплощают процесс самосознания личности и становление межличностных отношений» и что в их состав входят «дневники, частная переписка (эпистолярные источники), мемуары..., эссеистика, исповеди» [21].

Заключение

Подводя итоги, отметим, что при решении вопроса о правомерности использования в источниковедческой литературе, научных трудах и докторских исследованиях термина «источники личного происхождения», одновременно охватывающего разные виды биографических источников, следует дать категорический отрицательный ответ — классификация исторических источников должна основываться на едином критерии, соответствующем правилам формальной логики.

Однако признаем, что использование классификационного таксона «происхождение» возможно в ситуации, если все источники, вовлеченные в исследование, будут разделяться по тому же принципу — месту создания, авторству происхождения. Если же одни источники будут указаны в соответствии с видовым распределением, а другие — как источники личного происхождения — то такое нарушение правил классификации совершенно неприемлемо.

Рост интереса в современном обществе не только к истории, но и к личностным проблемам людей прошлого, их мыслям и чувствам, поступкам, психологии, изменениям самосознания и мировоззрения, отражает тенденцию гуманизации российского исторического знания. Это неизбежно приведет к целенаправленному внедрению в научный оборот новых биографических источников любых исторических эпох. Выявление в архивохранилищах и публикации разных форм этих материалов, чаще основанных на человеческой памяти, реже — на сохраненных мемуаристами документах, — будут способствовать информационному насыщению исследовательского поля, а их изучение — качественному расширению возможностей исторического познания.

Список литературы

1. Каитанов С.М., Курносов А.А. Некоторые вопросы теории источниковедения // Исторический архив. 1962. № 4. С. 173–196. EDN: ZPWIDV
2. Беленький И.Л. Разработка проблем теоретического источниковедения в советской исторической науке (1960–1984 гг.) : аналитический обзор. М. : ИИОН АН СССР, 1985. 69 с. EDN: PDHCQB
3. Каитанов С.М. Предмет, задачи и методы дипломатики // Источниковедение: Теория и методологические проблемы. М., 1969. С. 134–171.
4. Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в. : учеб. пособие для студ. ист. фак. / под ред. И.А. Федосова. М. : Изд-во Московского университета, 1970. 469 с.

5. Источниковедение истории СССР : учебник / под ред. И.Д. Ковальченко. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Высшая школа, 1981. 496 с.
6. Пушкирев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М. : Наука, 1975. 282 с. EDN: РХОВТН
7. Ковальченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации (к постановке проблемы) // История СССР. 1982. № 3. С. 129–148. EDN: ХРJLFZ
8. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М. : Наука, 1987. 439 с. EDN: ХРQBVKP
9. Георгиева Н.Г. Историческое источниковедение: теоретические проблемы : учебник для вузов. М. : Проспект, 2017. 256 с.
10. Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособие. М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. 702 с.
11. Румянцев М.Ф. Теория истории : учеб. пособие. М. : Аспект-Пресс, 2002. 319 с.
12. Голиков А.Г., Круглова Т.А. Источниковедение отечественной истории / под общ. ред. проф. А.Г. Голикова. М. : Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2000. 440 с. EDN: XWDUJV
13. Люцай И.А. Исторические источники личного происхождения и их информационная ценность // Молодой ученый. 2017. № 6 (140). С. 375–378. URL: <https://moluch.ru/archive/140/39375> (дата обращения: 08.04.2025). EDN: XXJWVW
14. Карабалыкова А.В. Источники личного происхождения как фактор изучения инакомыслия в СССР // Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс» (Scientific Cooperation center “Interactive plus”) URL: <https://interactive-plus.ru/e-article/710/Action710-541375.pdf> (дата обращения: 08.05.2025).
15. Абдрашитов Э.Е. Источники личного происхождения по истории российских военнопленных Первой мировой войны : автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Казань, 2003. 18 с. EDN: NMIBTL
16. Тарле Е.В. Значение архивных документов для истории // Вестник архивоведения. 1961. № 3. С. 102.
17. Качин Н.А. Архив и коллекция В.М. Флоринского: опыт источниковедческого анализа : автореф. дис. ... канд. истор. наук. Томск, 2019. 27 с. EDN: PGOYCD
18. Филимонова К.Н. Сотрудничество России и Испании в области сохранения и популяризации культурного наследия (1991–2020) : автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М. : РУДН, 2025. 30 с.
19. Иванова Н.И. Видовая и внутривидовая классификация источников личного происхождения: проблема источниковедческого анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2006. № 3. С. 105–110. EDN: LRIUSP
20. Кодан С.В. Источники личного происхождения: понятие, место и роль в изучении истории государственно-правовых явлений // Genesis: исторические исследования. 2014. № 3. С. 60–93. EDN: RZVQCD
21. Кодан С.В. Источники личного происхождения в изучении истории советского государства и права: Теоретические и методологические основы исследования // Universum juriis. 2017. № 1. URL: <https://universum-juris.org/?q=ru/node/32> (дата обращения: 07.03.2025). EDN: YNGXMO

Информация об авторе:

Георгиева Наталья Георгиевна — доктор исторических наук, профессор-консультант кафедры истории России, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Российской Федерации, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, e-mail: navladi@list.ru ORCID: 0000-0003-2359-1088. SPIN-код: 6037-8857.